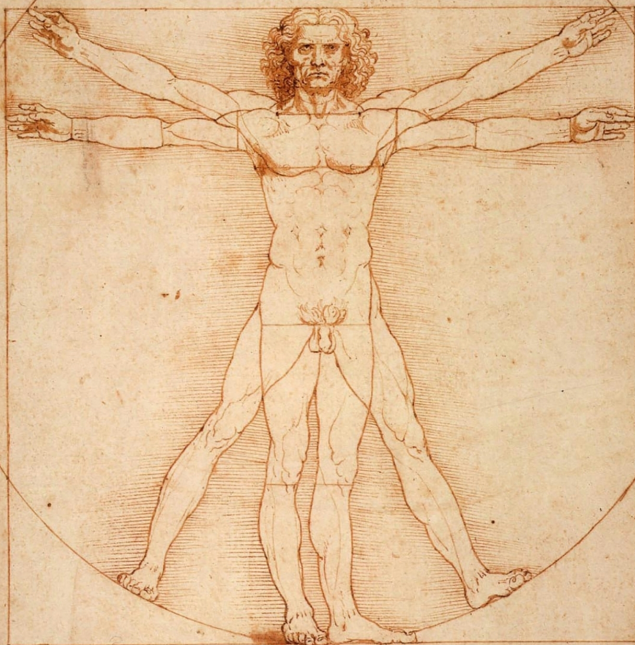

Пантелеев Ярослав

Завистников черные песни

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Ярослав Романович Пантелеев

Завистников черные песни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67644098

SelfPub; 2022

Аннотация

Это второй сетевой сборник поэта и писателя Пантелеева Ярослава Романовича. Тут собран более "непричесанный" материал литератора, ранние восемнадцатилетние опусы и хулиганские стихи. Есть мат. Но так же есть глава, где Пантелеев Ярослав предстает совсем другим человеком: аккуратным рецензентом, чутким читателем и ценителем всего прекрасного и психологического. Спешите прочесть второй сборник Пантелеева Ярослава, Вы не пожалеете! Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Ранние стихи	11
Ранние рассказы	13
Стихи	37
Статьи	45
Эпилог	62

Ярослав Пантелеев

Завистников черные песни

Пролог

Солнце стояло в зените под прямым углом. Горы таяли под острыми взорами – лучами. День бил во всю.

Вокруг ярмарочной сцены собрался гвалт: очень шумно было: сбрасывались пестрые шапки, яркие козырьки, стая сорок поднялась разом в воздух и разнесла по окрестностям холеру, крещенные молились, не крещенные ели яблоки в сторонке, словом, все сбилось в кучу.

На помосте стоял пленный ученный муж и бросал угрюмые взоры в морду толпы. На его шеи была веревка – казнь.

Веревка была мокрой и соленной, губы слегка шевелились под тяжестью кефирного снега, он стоял ровно и ничуть не боялся. Он знал, что умирает за правду.

«Что Вы хотите сказать в свое оправдание?»

«Я изобрел местный кубик- рубик, а так же число 100»

«Вы обвиняется в жизни на виду у мира, сэр Воланд. Вы ходили в метро на своих ногах!»

«я делал это осознанно, но я умираю за правду. Всякий человек обязан ходить на своих ногах.»

«А как же инвалиды – колясочники?! Вы понимаете, ко

всему прочему нам придется приписать Вам не толерантность?»

«Пишите и это – ведь каждый не толерантный человек, не толерантный к невежеству – прав.

Из ярмарочного зала слышится уканье толпы и возгласы «Чудовище!» В стороне слышатся крики стаи сорок. Из ярмарочного зала начинают кидать яблоки в сторону математика.

«По решению земского суда, решено исполнить смертную казнь путем повешения. У Вас есть право на последнее желание, кроме помилования»

«Я хочу щепотку морской соли на уста и наперсточек виноградного вина – сказал математик голосом тихим, словно шепот прямых полевых колосьев. И сам подсудимый как – то облагородился. Выпрямился, перестал дрожать. Правда у него появились трещинки на лице от яблок разъяренных граждан, синяки от бессонной ночи в тесной тюремной камере, но он был еще красив. Он мог стать королем, императором если хотел бы, но цель его жизни была правда и только правда. Но с детства его окружала одна сплошная ложь. И ему пришлось стать ученым, чтобы реализовать свою потребность. И вот все сбылось. Он умирает, раздираемый толпой, за идею.

Последнее желание подсудимого. Бабах!!!

Пена на губах, соль на устах, прыщ лопнул словно виноградное зернышко, зрячий глаз наполнился кровью. Слепо-

та, слепота, слепота.

«Я не могу больше видеть» – говорит он последнее слово.
Веревка затягивается.

Воланд – мертв.

Оратор после пятиминутной тишины : «Он был хорошим человеком ...»

«01.12.19 11:06»

Император

Император сидел на веранде и смотрел через окно на свой двор. По двору ходили Императорские петухи. Гордые, с живым наглым взглядом они рассматривали небо, если бы оно было из бумаги , петухи бы его давно проткнули – на столь острый взгляд был у этих разноцветных птиц.

А по небу плыли облака. И эти облака отражались во хмурым взгляде петухов, облака в зрачках петухов, как один кусочек одного мира отражается в ином. Как луч луны проникающий на дно колодца, касаясь глубины становится не отъемлемой частью другой вселенной.

На скотном дворе были еще лошади. Их взгляд был нагл, и он не был направлен в небо, все лошади, как одна углублялись в землю. К корням, к истине. Лошадям не нужно было небо, не нужен был космос, не нужно было отражаться в другом верхнем мире, они были привязаны к земле, к плугу, к труду. К физическому изнурительному труду, и даже сейчас во время отдыха, им незачем было смотреть на небо, лошади знали кто их мать, кто их кормит и поит.

Так же на скотном дворе были собаки, как старые так и молодые. И взгляды у собак были разные. И смотрели они на разные вещи. Каждая по своему. Но все без исключения любили своего отца Императора.

Но самые странные были на скотном дворе люди. Их взгляд был пуст, он не отражал ничего. Не злости, не любви, не огня, не смерти. Люди бродили из стороны в сторону, собирая камни, чтобы ими кидать в друг друга. Они были глупы, что бы понять что это пустая трата времени, да и понимать им было не зачем.

А Император перечеркнул старую картинку в блокноте, оторвал и дунул. Заискрилось, ожила. Появились новые краски. Император рассмеялся и растаял в этой палитре, как сахар в чае. Остался только мертвый глаз в небе.

«Порой рыбу от мяса отделяет только стук жизненных колес»

Эссе N 8

Товарищ Радужный стоял за баррикадой и смотрел в бинокль на растекающееся со всех сторон, бескрайнее, русское поле. Поле было изрыто, изранено революцией. Белые кроты копошились где-то вблизи, с ружьями- лопатами на перевес. Белые кроты готовили что-то грандиозное, хитрое, подлое.

Радужный про себя ухмыльнулся «а когда было иначе?». Казалось война шла не год, а век. А поле затягивало своей обнаженностью, своей всеобъемлющей сущностью. «а когда

было иначе? – да никогда».

Солнце село за горизонт, казалось выгорело как пламя спички. Где-то в подземке челкал печатной машинкой слепой машинист, заката – не было. А машинист все щелкал, челкал, печатал буквы, а заката не было.

За чаем, за малиной, слепой машинист рассказывал Радужному, как сам в былые времена бил врагов на право и на лево, когда у него еще было зрение- и закат тогда тоже был.

Радужной только ухмылялся, красной ухмылкой, да молча опрокидывал в себя кружки чая.

В землянке машиниста было комфортно. Тепло. Горела старая печка, убивая злые дрова, по середине стол, около стола лавка а на столе печатная машинка, на которой машинист челкал. Выгорала лампочка посередине, умирая от собственной энергии. Все дышало умеренным комфортом, так необходимым творческому человеку.

– А какой он закат? – вдруг после долгого молчания заговорил слепой машинист – вот ты, можешь себя представить закат сейчас? В этой землянке, глубоко в земле?

Товарища Радужного вопрос смутил. Лоб напрягся обнажив глубокие морщины, глаза засверкали от работы головы. Рот приоткрылся, но тут же закрылся. Товарищ Радужный не знал.

– А я – видел – продолжил машинист – мне сам Император письма слал, а я видел и читал. А как ответил на письма – так Император меня зрения решил...

Радужный молча кивнул, хотя ничего не понимал в словах машиниста.

– Решил не за то что ответил – а за то что осознал. И тут закат и закрылся... Начался рассвет и революция. И много работы...

– Кроты- заговорил вдруг Радужный и тут же осекся. Говорить с машинистом о кротах было бессмысленно, так как он очевидно другую революцию имел ввиду. Но все же продолжил – Кроты что-то замышляют. На левой фронте говорят, что они хотят очернить священные писания.

Машинист ушел в себя. Закрыв свой красные, слезившиеся гноем мертвые глаза, и начал сопеть, как старый больной пес. Радужный испугался. Хотел было уже уйти, но машинист вдруг вышел из этого состояния. И медленно, подойдя к печатной машинке, вытащил лист на котором был напечатано какое-то письмо. Оно было изжевано временем, но в нем еще был стиль, и слова были весьма разборчивы.

Радужный, не спеша, и почти не напрягаясь начал читать. Но по процессу времени написанное привадило его в шоковое состояние. Прочел, и посмотрел на машиниста осоловелыми глазами.

– И это все?

– Да – безразлично ответил машинист.

Где-то в теле Радужного еще булькал чай, но мысли отдавали звучным эхом шока в голове.

–Значит, победа? – изумленно спросил через какое-то

время Радужный.

–Значит, победа- так же равнодушно ответил машинист

– Что-то мне от этого совершенно не радостно – пожаловался товарищ

Машинист кивнул, высоко запрокинув свою голову ...

Баррикада лопнула:все покрылось инеем и тишиной. Все вокруг онемело, замолчало навсегда. Только русское поле, пело своими колосьями, какую-то странную потустороннюю песню. Бывший Товарищ Радужный шел по полю, утопая в внешнем беззвучии, он шел на свет костров за горизонтом. Бывший Товарищ Радужный шел к бывшему Павшему Императору, который снова был жив...

Он знает. Император выслушает его. Уставшего, больного, голодного солдата. Услышит и даст хлеб и надежду. Бывшего солдата, бывшего Товарища, он выслушает и даст опору. Он не может иначе ведь он добр и всемогущ. А главное добр. И всемогуще добр.

Ранние стихи

Поезд

Поезд. Медленно ползет,

Незаметно дни проходят,

И куда часы уходят?

Ну, а поезд все идет.

В поезде есть пассажиры

Дамы с тонкими ногами, и румяными щеками,

Без помады или с,

В платьях сотканных из звезд,

Из тончайших цветом грез.

Смотря в полночь в свои окна,

На песчаные холмы,

Так же едут там кавалеры,

И вальты и тузы,

Едут в странном одеянье.

Перчатки с кружевами,

Костюмы с золотыми орденами,

Смотря в окна томно на песчаные холмы.

Но дорога камениста, хоть и вовсе не бугриста,

Рельсы и шпал на ней не видно,

Но что -то там стучит вблизи.

Смерть поэта

Поэта смерть настигла рано.

Оковы спали, странно стало все.

Он мог бы жить,

Как все.

Выпивать, гулять, писать

Любить вино, утрами погибать

Смеяться меховым смехом,

Быть счастливым человеком иль несчастливым- все одно?

Он жил бы.

И играл словами,

Печаль мою, преодолая

Лепил бы смыслы из песков.

И оставил отпечаток на седину

Голодных волн.

Экспромт»

Никогда не поверю,

Что вопросы решают

Взмахи женских ресниц.

Я не верю шинелям,

И не верь церквям,

Там, где люди скрывают

Одеянием сердца,

Там, где гибнут дела не доведенные до конца,

Звук тоски раздаются из медных часов,

Может быть те часы, розданы нам на годы.

Ранние рассказы

Часы веры

Маленькие люди чувствуют лучше разницу между жизнью и смертью. С возрастом у людей пропадает та чувствительность души и они уже слабо различают, где правда, а где ложь.

Когда я был маленьким человеком, не ложился спать до ночи, тихо лежа на кроватке в своей комнатке, стараясь не дышать слушал звуков часов в маминой комнате. Часы в маминой комнате не были теми часами, которые, вы, случайные читатели этой записи могли приставить. Это не были старинные часы с кукушкой, которая строго отсчитывает каждый час. Это не были механические часы с маятником. Эти часы так же не походили на классические круглые стрелочные часы. Эти часы не обладали цифровым экраном, как у электронных часов, и в этих часах не было песка как в старинных часах древних фараонов, ныне же использующихся в санаториях или в больницах с целью засечь ту минуту, отведенную на процедуру. Нет. Это были иные часы.

Внешне они напоминали Луну. Такую луну, что рисуют в альбомах художники-футуристы. Очень странную луну. Это Луна ни была ни блином, ни сырной планетой, словом той Луной, которую мы видим, смотря в ночное, ясное небо. Скорее мамы часы походили на такое разноцветное блюд-

це. Расписанное цветами, всеми цветами радуги. А в центре блюда было выцарапана надписью Луна. От этой надписи исходили в разные стороны лучи, нежно- серебристого цвета, отдаленно напоминающие стрелки обычных часов. Только вот эти стрелки не стучали, и не проявляли признаков жизни. А просто исходили из блюда. И летели вверх, сочась куда-то в потолок нашего домика, жидким дымом. Хотя, не дымом. Стрелки эти не были дымом. Они не были просто светом. Эти стрелки не были стрелками. Просто они были. И это тогда казалось совершенно нормальным явлением. Просто быть. Существовать без какой- либо формы и надобности.

Сейчас, уже став относительно взрослым, я считаю эти часы, частью моего детского большого воображения, тогда же они были насколько же реальные, как моя нога. Днем часы стояли около окна в маминой комнате, и отражали, как лупой падающие косые лучи солнца. Они молчали, как обычное мертвое блюдо молчит в буфете. Но ночью часы пели. Пели, как поют сверчки в поле. Пели ровно до двух часов ночи. А потом замолкали.

Казалось, только я мог слышать эти звуки. Когда в первый раз я услышал этот меланхоличный сверчковый треск? Я это- точно не помню, но знаю что значительную часть своего детства, я слышал их очень отчетливо.

Слышала ли мама эти звуки? Не знаю. Думаю, что нет. Потому что, когда я спрашивал у нее на прямую о часах, она

упорно отмалчивалась и делала вид (а может и не делала), что не понимает о чем я.

В одну из ночей, когда я ясно услышал пение часов. Я встал с кровати, подошел вплотную к двери, и на вострил свои уши. Мне четко слышалось звуки "чирк- чирк". Звучали они не громко, но и не тихо. Если можно так выразиться приглушенно звонко. Через полторы минуты я решился выйти из комнаты.

В коридоре было темно, что логично, и на удивление жарко. Я на цепочках подошел вплотную к двери маминой комнаты. Звуки стали чуть- чуть приглушеннее чем раньше. Когда я посмотрел в щелку двери, то увидел закутанную в одеяло маму. А около окна эти блюдце- часы. Эти стрелки нежно-серебристого цвета сочились вверх, образуя на потолке маминой комнаты своеобразный туман. Этот туман сочился с потолка и расходился по всей комнате. Цвета он был такого же как и стрелки. Красиво. Искренно говорю, что это было очень красиво. Туман напоминал серебристое поло облачко, поло тучку. Очень нежную и красивую тучку.

После того как я проснулся, не считал увиденное сном. Может поэтому эти стрелки так и продолжали петть мне каждую ночь. А я каждую ночь ждать их звучания. Но так было не долго.

Как бы это банально не звучало, но оказывается достаточно повзрослеть, и в твоей душе, а соответственно вокруг не будет чуда. Так же случилось и с пением этих чудо-часов.

А блюдо куда-то потерялось. И вот, когда исчезло физическое доказательство этого крайне необычного не от мира сего предмета, я и сам сомневаюсь в его существовании. А жизнь текла своим чередом. Я закончил с троичным атестатом 9 классов, поступил в ПТУ на слесаря, не доучился, выгнали за саботаж, уже и не помню в чем было. Начал пить. И плыть по течению, но так до двадцати трех, потом я опомнился, завязал и начал стремиться к тому, чтобы поступить семинарию, Духовную Академию. Мама меня очень сильно поддерживала в такие моменты, и я искренно очень старался поступить, я тренировал свой ум, читая разного рода духовную литературу. Я сутки проводил в работе, созерцая и стремясь обоготиться и очиститься внутреннее. И тогда, когда я работал, я чувствовал временами, как буд-то снова слышал звук, звук часов моего детства.

Меня приняли в семинарию, но не сразу. Первые два экзамена меня валили, а на третий приняли. Мама узнав эту новость очень обрадовалась, она скакала по комнате, трясся пригласительный листок. Я же находился в оцепенении. Я был удивлен.

Я был рад, конечно же.но не мог не как показать внешне свое внутреннее торжество. Просто, мне показалось, на этот миг, когда объявили о том, что я поступил, самое настоящее счастья, я боялся потерять этот миг, волна накрыла меня с головой,и я под ней не мог пошевелится. Я только остро чувствовал, вот сейчас моя жизни примет координально другое

русло, и вместе с этим боялся, этой координальности. Я был счастлив и напуган в тот миг, когда мои труды принесли плоды, и я понял что означали эти звуки часов, как буд-то понял, я подумал: что эти звуки и были той самой загадочной, и не кому до конца непонятной верой, ни в коем случае не уверенностью в себя. Да и верой, не совсем, или же вообще со всем себя, а во что-то большее. Но это было не долго. На всякие часы веры приходят часы уныния. Но об этом я уже говорить не буду, так как, больше не вижу смысла в разговоре. Я поступил и закончил с отличием семинарию, и ушел в Омский монастырь. Там я дал обед молчания.

Мат

Мат в старших классах стал чем-то ни то что обыденным, ни то что естественным, но скорее вошел в систему обучения, так же как и высшая, математика или химия. Матерились все и юноши и девушки и профессора. Матерились учебники, тетрадки, карандаши. Матерился портрет Пушкина на классной стене.

... Было Христово воскресенье, и я вместе со всем классом пошел в церковь. Утро стояло знойное. Неторопливо шла электричка. Марь Ивановна села рядом со мной, шепнула на ушко. «Причащаться, будешь?» Я отрицательно качал головой. «Чего?» « Не готов» Марь Ивановна понимающе кивнула, сделала вид что задумалась о чем-то важном, запустив бессмысленный взгляд в окно, насупилась и зевнула. На второй станции ко мне подсел мужик с авоськой пол-

ной дачных плодов, такой уже в возрасте дедок. На третьей станции мы приехали в Храм.

Около храма стояли нищие и просили падания. Мы сбросили с человека по рубль в деревянный ящик слепого, сняли шапки, покрестились и вошли в собор. Наш класс не отличался религиозным духом, мы были простыми юнцами, со-сущими в тайне от предков спирт по гаражам, играющие под-вальный рок и мечтающими подсознательно о чистой взаим-ной любви к Родине. Мы не были ни патриотами, ни дисси-дентами, мы были молодыми людьми, и мы любили жизнь, и жили только для себя. «Поколение эгоистов» – так ворчали старики, и были поверхностно правы.

Поверхностно, потому что мы любили лишь себя, но так же отрицали себя, и не только себя, а все вокруг, и нам ка-залось что это независимость.

... Наш класс не отличался особым религиозным духом, но государство нуждалось в Боге, и мы не могли ему отка-зать, хотя бы из-за спортивного интереса, постичь непости-жимое, «объять необъятное». Нам дали сверху задачу и мы ее решали, хоть по минимуму, то есть ездили каждое воскре-сенье ближайшее от школы церковь и причащались. Мы не понимали службы: но мы блаженно закрывали глаза, открывали, закрывали рты, и представляли Его большого белого мудрого Всемогущего, восседающего на вершине какого-ни-будь условного эвереста, с головой дурманом. В нашем пред-ставлении Бог был этакой индийской чайкой в сувенирной

лавке, запертой в свою оболочку, в форму. Иными словами изреченная религия- убийство Бога.

И вот тут я совершенно осознанно возвращаюсь к сальным словам. Дело в том, что бы изречь, выразить любую условную мысль, перевести ее на общедоступный массовый язык, нужна энергия Ра, и харизма Иисуса, нужен навык упрощать форму усложняя содержание, слово должно умереть, реинкарнироваться из воробья, в пластилин. И тогда можно строить все. Можно стать всеми, но только ни самим собой, потому что «я» это всего лишь самоопределение, условность. И вот тут чтобы отсечь отразить все лишнее и помогает мат.

Маты- слова сорняки, мешающие прорасти полезным плодам на огороде изреченности, это бесспорно, но в моем становлении как личность, матерное слово повлияло огромное влияние, и открыло для меня такую силу и властности, в отсечении всего лишнего от моего Я.

"2019 год."

Девочка ангел

Андрей включил компьютер, зашел привычным движением руки вконтакте попал на страницу какой-то девочки. Вначале, по фотографии на лице страницы, то есть аватарки она показалась ему совершенно обыкновенной, но потом присмотревшись он увидел за ее спиной как бы сияние, как бы свечение, и присмотревшись он увидел самые настоящие ангельские крылья, вначале они были не большие, еле замет-

ные, но по мере того как он смотрел крылья все росли и росли, и в конце концов уже скрывали всю спину девушки.

Андрей был в шоке. Сглотнув он начал шарить по странице. Стена ангела была заурядной, таких вконтакте миллиарды. Поняв, что тут ничего интересного не найдешь, Андрей нервным почерком записал номер висевшим на странице.

На другой день, нервничая он набрал номер. В трубке слышался медовый сладострастный голос.

– Алло. -Андрей растерялся. Он совершенно не знал что говорить. Наконец- помедлив он выдавил – Здравствуйте. Я наткнулся на вашу страницу вконтакте, оттуда взял и номер. Вы такая красивая. У Вас такие крылья. Они настоящие?

– Настоящие!– засмеялся прекрасный голос на той стороне- Если хотите можем встретиться.Сами все увидите! – Такого поворота Андрей не ожидал, он думал она его пошлет. Скажет «нахал» или что-нибудь в этом духе, но никак не назначит встречу.

– Да. Было бы неплохо-проямлил Андрей. – Ахаха, по голосу вы очень скромный и застенчивый мужчина, мне нравятся такие! Мы могли бы встретиться у метро (называет метро) и хорошо поговорить.

Андрей записал адрес и сказал- Через полчаса буду- он по-прежнему чувствовал себя не уверенно.

Через двадцать одну минуту он уже сидел в машине около метро. В голове было приятное нарастающее гудение, хотелось петь и танцевать. А что если у нас того этого будет? С

этой крылатой барышней? Секс с ангелом:... Ммм... впрочем может она и ни ангел, может мне просто показалось. Но тем не менее, от секса я бы не отказался, уже не помню когда он в последний раз у меня был.. Андрей вдруг начал волноваться. «как я выгляжу?» промелькнуло у него в голове. «Вроде нечего « посмотрел он в зеркало. В том то и дело, что ничего особенного. Обычный заурядный мужик которых в стране вполне до ***. Серая масса, блять. А она не такая... Она особенная. У нее крылья есть... Он просмотрел так в зеркало минут двадцать.

Зазвонил телефон. – алло- это я- смеялся ангельский голос- Я пришла. Выходите навстречу. Я в солнцезащитных очках и с красной сумочкой. Выходите.-она повесила трубку.

Андрей вышел из машины, и сразу увидел ЕЕ. Она стояла вся покрытая каким-то сиянием, вся светилась. На руках у Нее была красная сумочка, а лицо скрывали солнцезащитные очки. Он улыбнулся, помахал, и она тоже улыбнулась и как-то по детски провела в воздухе ручкой. В ЕЕ улыбке было что-то совсем юное, чистое, детское. И все мысли о трахе сами собой выпали из головы Андрея. Он понял, что не посмеет сорвать эту ягоду. Загрязнить этот кристально чистый ручей.

Крылья тоже были при ней. Как на фото вк, вначале незаметно, только свечение видно, но потом все больше больше. И вот когда он подошел вплотную все спина была закрыта крылышками. Андрей остановился и открыл рот от изумле-

ния.

Девушка засмеялась – Здравствуйте! Вы такой смешной, как я и ожидала!

–Здравствуй.Ангел- проговорил еле шевелящимся языком Андрей.

– Ахахах, ну что Вы такое говорите? Я не ангел. Я простая девочка, просто с крыльями.

– Нечего не бывает просто так-неожиданно уверенно возразил Андрей

– Но из того, что у меня крылья, вовсе не следует, что я ангел- засмеялась снова девушка. ЕЕ смех был медом, и лился просто рекой. Медовой рекой.

– А что следует?– спросил Андрей

– То, что я другая- уж не смеясь, но продолжая улыбаться проговорила ОНА- просто другой не такой как большинство людей человек. Но человек, не ангел. Ее улыбка была такой искренней и невинной, что Андрей невольно сам улыбнулся.

– Наверное тяжело... Прости, можно перейти на ты?– осмелел Андрей

–Конечно, можно- весело ответила ОНА- да, действительно тяжело. В детстве издевались. Дети жестоки. Им не нравилось, что среди них ДРУГАЯ.– слово другая ОНА подчеркнула с особенной силой.– Да и сейчас тяжело. Все эти взгляды. Все бояться. Как буд-то мутант, ни человек. Да и тяжелы они. На плечи сильно давят. Она шевельнула крыльями и те пропели свою какую-ту стихийную песню.

– Я не боюсь. Прости меня, но кажется я влюбился- Андрей почувствовал что с НЕЙ нельзя не быть искренним. Он не хотел врать ни в чем ЕЙ. Он хотел говорить только правду.

– Ахахаха, а ты точно такой как я ожидала. Скромный, маленький человек, и очень чувствительный.– Не переживай, твое чувство взаимно. Я тоже близка к влюбленности к тебе.– И она взяла его за руку. Рука была очень легкой.

– Полетели!– сказала она неожиданно. – Далеко- далеко отсюда, к звездам!

Андрей улыбнулся ЕЙ. Это означала давай!

ОНА обхватила его крыльями, и понесла. Ускоряясь, ускоряясь. Вот они оттолкнулись от земли. Она держало его крепко, и Андрей ни капли не боялся. Все выше и выше. Вот они далеко парят над землей. Как хорошо и свободно Андрею никогда не было! ОНА остановилась. – Прости, я забыла назвать свое имя. Меня зовут Ангелина.

– Меня Андрей, но теперь это не важно, я думаю теперь мы свободны от каких либо имен. Я люблю тебя, мой Ангел. И буду всегда с тобой.– И они застыли в небе свободные от всего.

2.05.18.

2-

Когда они вернулись было уже светло. Город начинал просыпаться. Вот показались первые трамваи, из безликих панельных домов начали выходить безликие люди с портфелями, словно муравьи, букашки, в траве, выползают из мура-

вейника.

Ангелина укрыла с головой Андрея своими крыльями, как ребенка. Они лежали на крыше девятиэтажки.

– О чем ты сейчас думаешь?– нарушила молчание Ангелина.

– Я не думаю. Потому что счастлив. Раньше, я постоянно думал. Постоянно. И только сейчас я понимаю, то чего же это было глупо. Думать. Зачем думать, когда можно любить?

Ангелина засмеялась в ответ, и ее крылья засмеялись тоже, зашелестели, запели. Ее крылья пели. Пели. И все тут. Пели как не как поют птицы или люди, пели на другом каком-то вымершем языке, но безусловно ранее существовавшем; несколько сотен назад существовавшем, но забытом, бесследно канувшем в небытие.

– А я думаю о многом. О детях. О том, как они смотрят в небо. На облака. Мечтают... Думаю о их взгляде. У детей чистый взгляд на вещи. Они настоящие. Я бы хотела бы быть ребенком. Но, увы. Еще я думаю о тебе, и я понимаю что ты очень хороший, добрый человек. И мне не сказано повезло что мы встретились. Я благодарна Богу. Теперь, когда я встретила человека, который полюбил меня, я могу снять свои крылья. Мне они больше не к чему. Но я не готова сейчас это сделать. Я сделаю это, когда буду готова.

–А это обязательно снимать крылья?

– Нет, не обязательно. Но теперь я могу их снять, а раньше не могла. Понимаешь, всегда есть выбор: жить как прежде

ничего не меняя, или решиться на другую жизнь. Пока я делаю выбор. Это мое право- делать выбор, и никто у меня его не отнимет, даже ты.— она хихикнула. И крылья снова закачались из стороны в сторону, напевая на своем мертвом языке.

—Конечно-лишь сказал Андрей.

День жил уже во всю. И дальше оставаться на крыше не имело никого смысла. Они спустились вниз, ко всем. Они продолжили жить как все. Растворились со всеми в пене дней.

Беляк

Я начну свою историю об этом чуваке с того, что Беляк вообще никогда не читал книг и презирал их. «Знания.— говорил Беляк должны приходить из жизни, на собственном опыте, а не из книг» — говорил он.

Беляк был тощий двадцатилетний упырь, нюхающий аношу, и любящий чесать языком.

— Яр? —окликнул он меня однажды- ты бы хотел посмотреть на мое тело, после того как я умру? Я бы хотел увидеть тебя в мертвого в руках с какой- либо паршивой книжкой, которую ты любишь читать. Все книги паршивы, запомни. В книгах нет жизни.

— Не, Беляк, книги влияют на мозг, на сознание- отвечал я.

Но Беляк не слушал. Он был сам себе на уме. В 2014 году его сбил автобус. Меня пригласили на кладбище, и то-

гда я понял что любил Бесяка, той братской любовью, которую многие пытались описать писатели, но так и не написали. Книги действительно паршивы- подумал я тогда. А Бесяк за всю жизнь не прочитал даже школьную программу, но все равно был очень умным и эрудированным. Я хочу рассказать историю с ним, которая произошла на пляже Черного моря.

Мы с Бесяком пришли в самый центр пляже, по краям все было заполнено ляжаками даже яблоку негде было упасть, и мы с ним решили расположиться на утесе. На самом утесе скалы, как отшепенцы. Бесяк очень обрадовался этому. Мы залезли на белесый утес, и сверху смотрели на стоящих друг на друга людей

– Хорошо тут. – говорю .

– А где это тут? – вдруг ни с того ни с сего спрашивает Бесяк. Ну, я не растерялся

– На утесе- говорю- Над их головами

– А где этот утес находится?– Бесяк страшно любит играть в софиста, вот и сейчас он начал гнуть свою волюнку.

– На пляже Черного моря говорю

– Так, а по подробнее?

– На планете Земля, а Земля Космосе, а космос в сознание- этого ты добиваешься?

– Молодец сказал Бесяк – правильно. Но не все. Космоса нет во все. И сознания. Есть только этот чертовы понятия, да и их- сощурился Бесяк- на самом деле нет.

– Давай сменим пластинку- предложил я.

– Давай- что читаем сейчас? – саркастично спросил Беляк

– Франц Кафка

– Паршивый писатель- говорит- Паршивый, ей Богу- Все они писатели паршивые. Но это твое дело, читай если хочешь, а мне уж предоставь смотреть на Солнце

–Я тебе поражаюсь говорю- Ты умный человек, с тобой есть о чем говорить, но даже паршивенькой газеты в руках не держал. Как тебе это удается?

Беляк не ответил. Он лишь защурился и поглядел хитро на меня.

– Пошли купаться- предложил.

Ну и пошли. Одежду, значит на утесе оставили. Красота! Вода была очень теплая, просто прелесть. Выходить не хотелось. Мы ныряли часа три, а потом поплыли кто पहले то, того берега. Беляк оказался впереди. Постоянно он первый, в каких бы соревнованиях не участвовал.

Смотрим. Глядь, а одежды и след простыл. Кто-то украл. Так и пришлось голыми до дома добираться. Мы решили про бухать у меня всю ночь две бутылки коньяка. Пил Беляк всегда много. Запойно. Бывало пятью месяцами не выходил. Вот и сейчас похоже начинался такой запой, перед недельным затишьем. Беляк был алкоголиком и наркоманом, но умер от автобуса, по причине того что водитель уснул.

–Ну что – говорит Беляк- наливай – А знаешь зачем я пью? Чтобы умереть побыстрее. Мой интеллект решает меня всяческого счастья, я несчастен друг от того, что знаю мно-

го. И это несчастье я всегда и запиваю.

Я молчал достал бутылку. Чокнулись.

– Выпьем за океаны и моря- сказал тост Беляк. Выпили. Закусили огурцом. После девятой рюмки. Я понял что больше не хочу пить. Об этом я сказал Беляку, и беляк продолжил один. А я вышел на кухню, взял карманный фонарик и начал им светить в стенку. Вернулся к Беляку. Тот опрокинув очередную стопку, улыбался

– О чего это?– спросил он указывая на фонарик в развязной манере

–Фонарик- говорю- от покойной бабушки остался

–ААА- сказал Беляк. Подаришь?

– Нет же, я же сказал, от покойной бабушки. Прости, не могу

–Вот оно как. – Беляк заморгал.– Точно больше не будешь-поднес он мне опять перед носом бутылку

–Нет

– Ну что же- говорит- одному пить мне не привыкать. И наливает себе очередную стопку. Я улегся спиной на диван, и начал напивать старую всем известную Желтую реку.

– И музыку говно ты слушаешь-вклинялся Биляк- не слушай ее. Как и чтение пустое занятие

– Да у тебя все пустое- говорю

– Нет. Не все. Бухай. Не слушай, не читай. Бухай лучше. Да и сексом с женщинами занимайся, кто у тебя сейчас

–Анна- говорю

– Вот. Парнелисс?

– Нет. Картова. Ты ее не знаешь

–а.. Понятно. А я уже восьмой год не трахаюсь, прикинь?

Люблю ее еще наверное, суку, Жаклин. Все сердце выпото-
рошила. Я же все для нее. И strapon, и куни, все у нас было.
И даже в церкви ****ись, на котлаване ****ись, в цирке за
кулисами ебались, все было –понимаешь?

– По твоему ебля это все ? – спросил я

– Нет все конечно. Еще есть чувства. Но ведь и они были-
так говорил Беляк.

Он уже выпил две бутылки, но все еще не отключался

– А знаешь- говорит- давай шкур вызовем

Мне понравилась эта идея. Хоть я был и не одинокий че-
ловек, но в этот миг мне было так одиноко, что я тут же ска-
зал

– Давай

Приехали две. Брюнетка и блондинка.

– Вам на час? – спрашивают

– Да- говорю

Ну давайте мальчики сто пятьдесят. Я заплатил.

Все было скучно и муторно. Наконец они ушли. И туту
же Анна позвонила, а я сбросил, даже решил завязать с ней,
чувствовал какую-то нелюбовь, буд-то и не люблю я ее боль-
ше. Не пойми, что ***ня какая-то. И вообще- тут Беляк
говорит-

–Прости, друг, меня ждут дома. До автора- никого его там

не ждал. Просто видно захотел нажраться в полный умат в одиночестве, но я не стал его останавливать. Захотелось побыть одному. Мы попрощались с Беляком и я лег спать.

И вот прошло пять лет, я стою на могиле Беляка, я за ней ухаживаю. Посадил много красивых цветов. Вот стою и думаю, об этом дне. Может я бы мог спасти его? Заставить на сильно перестать думать, заставить быть его счастливым. Тошно от этих мыслей, поэтому завершаю

Еще скажу, что книги по прежнему читаю много. Но по прежнему и ни на дюйм не приблизился к уму Беляка. В чем была загадка его эрудированности, я не угадал. Но одно скажу точно, он был великим человеком в моей жизни.

Песня о возвышенном Посвящается Марии Сапрыкиной.

« Ты, дорогая, услышь

Нежный слов моих шелк и бархат»

Михаил Елезаров.

Краски упали на холсты.

В облако построилась парадигма,

Из чувств трудно построенного стиха,

Падает рука. С окна

Ненадежно сшитый шарф,

Переплетенный дом.

Грянул гром

Черный кот умер,

И застыли слова в глотке.

Умерла честность во мне, лицемерности ура

Падает правда засочив рукава.
Тертым кулачом оказался снег
Вчера мне сказали что Бога нет
Верить, не верить
Знаю одно
Если осталось, хоть что-то кроме против во мне,
То буду за.

Апатичное настроение сковало ее руки и ноги. Угрюмо смотря в стенку Мария начинала понимать, что стенки не какой нет. Еще раз сощурилась и спросила себе, что я этим хочу сказать . Снег падал на нее, а холод сковал сердце. Мария уже была готова прыгнуть в

Новый водоворот чувств, но вновь забылась. Перед ней, воспоминаниями снова стоял этот мальчик Коля и держал в худеньких ручках обглоданную кроюшку хлеба. Хватит, сказала Маша и открыла глаза. Она спала, это был сон. Проснувшись, она обнаружила себя в своей комнате. Ничего не произошло- все по прежнему. Тумбочка, будильник, шкаф. Достаточно понять, что после того, как пройдет время и глаза откроются все внутри и снаружи тебя изменится, и ты приобретешь свободу. Маша встала, позавтракала наспех, оделась, вышла в школу. Метет- отметила Мария про себя. В школе все было как всегда. Старый дурак вахтер сначала не узнал ее:

–Посторонним сюда нельзя! – окрикнул ее вахтер
– Какая же я посторонняя, я тут учусь

– ну-ну проходи.

И так каждое утро. Уже надоело. Почему они его не смеют, он же видно что не справляется со своими обязанностями? – думала так Мария.

В классе все было как всегда. Даже скучно рассказывать. Окончила учиться к трем часам. Пошла домой.

– Шорх, шорх- пел ее друг снег, вторя ее шагам. Краем глаза она увидела Колю, который плелся за ней.

– че тебе надо?– остановившись спросила она с равнодушием- Ты очень навязчивый, Коля. Мне не нужны вообще друзья

– Я не об этом- начал Коля.– Сегодня я опять тебе снился?

– Да- сказала Маша- устала уже от тебя

–Видно отец хочет забрать тебя- Мой отец ловец душ во снах. Нет... он хороший человек, просто работа такая

–Что за бред ты несешь?– спросила также равнодушно Маша

– Маша, это не бред, так и есть

– Все, отвали.

Дома Маша поела, выполнила все задания, и начала читать книгу Аманду Лингер, австрийскую писательницу, «Золотые жуки». Книга была очень интересная, но сегодня почему-то не захватывала Машу. И она выключив свет легла спать.

Ей опят приснился Коля со своим вонючим хлебом. И не только он.... Еще в центре стоял худощавый широкоплечий

мужчины в большущих, как лупах очках и улыбался

– Это мой папа, Маш. Он пришел за тобой. И тут Маша проснулась. Только вот проснулась не у себя дома. Буд- то из темноты нырнула в очередную темноту и тесноту.

« Мешок» догадалась Маша. Она заерзала, и в конце концов высунула голову, и вдруг увидела, что ничего нет кругом. Совсем ничего, да даже этого ничего нет. И еще мысль пробежала «Больше я не Маша», а еще пробежала тут же « Теперь я свободна, где только найти хозяина. Хозяин-ключ к свободе.» Мысли буд-то были не ее, а навеянные откуда-то с севера. Вдруг из ничего образовался Колин папа. «Пойдем со мной, больше тебе здесь делать нечего». « Вот он твой хозяин» – подсказали мысли «Идти к нему и повинуйся». И Маша послушалась, она не в силах была сделать иначе. « Умница» сказал Колин папа.

Маша проснулась. И со слезами обрадованная побежала к маме и папе. Но вскоре, это пробуждение оказалось таким же сном. Снова, открыв глаза, она увидела себя в кастрюле голой. По пояс она была в воде, а рядом плавала морковка. За кулинара был Колин папа, он улыбался и готовил ужин. Потом она опять проснулась, и на этот раз по – настоящему. Но не у себя дома, а в мешке. И опять ничего вокруг. Не было ни времени, ни границ, не было пустоты. Маша думала, что сейчас опять проснется, но никак не могла. Ведь это была явь. И действительно все вокруг пустота и Вас читатель. Просто вы об этом не думайте, и все у Вас будет хорошо.

Знание ни сила, знание слабость.

Колодец

Если бы я не писал рассказов, я бы оставался ровно тем человеком что и был. Рассказы не делают меня интересным человеком, более того ни один из рассказов я не могу пересказать в компании так как забываю их, но тем ни менее я пишу. Я люблю писать. Это единственное дело, которое я нахожу стоящим в своей жизни. Некоторые, начитавшиеся Кафки, студенты недоучки ошибочно считают что писательство это шить красивый узор слов, во все не так, скорее писательство это наполнять сухие колодцы водой. Про один из таких колодцев я и хочу поведать.

В одной из безымянных пустынь находится колодец. Он зарыт где-то в песках, но он настолько глубок что кто в него провалится в жизни не поймет что провалился. Он будет думать, что продолжает свой путь по песках необъятной сахары, а на деле он упал в колодец и разбился насмерть. Смерть-это та же жизнь только по ту сторону ума. А мыслительный процесс это путешествия по зыбучим пескам из пункта а в пункт б, причем неизвестно насколько ты погрязнешь в ошибочных суждениях, зыбучих песках и сможешь ли выйти сухим из воды на узкую единую тропинку истины.

Колодец не только глубок, он еще и очень широк. Говорят что если идти по его дну прямо то можно идти года два и не обойти все дно. Дно кишит змеями, лягушками, крабами. Дно колодца дышит жизнью.

Я сам упал в этот колодец. Как только его сочинил. Теперь я тоже часть фауны дна колодца. И мне придется жить среди змей, лягушек, и крабов. Всю жизнь.

Выбраться из колодца можно только одним способом. Перестать думать о нем. Но вот только для начала нужно понять зачем выбираться из колодца? А нужно ли это мне? Я вот до сих пор не знаю на это ответ. И посему я в нем.

Алиса

Утро наступило. Алиса потянулась и открыла глаза. Все было как всегда; ее каморка была сверху донизу наполнена пылью, Алиса не хотела убираться, а звать кого-нибудь на помощь тем более. Но Алисе естественно не нравилось дышать пылью, однако лень была сильнее. Алиса жила в коморке вместе с крысой по имени Мышь, она и сама готовилась вскоре такой стать, пройдя через зеркало истины, но пока у нее не удавалось. Они спали на одной кровати, кроватью служила деревянная жердочка, она была очень холодная, но что поделать. Мыши тоже не нравилось дышать пылью, но она также была очень ленива, что поделать. Поэтому так они жили.

Алиса вышла из каморки. Дверца сразу выходила в коридор, где вдали сиял какой-то тусклый свет фонаря. Скорее всего, там за этим коридором был парк, где были фонари. Сколько Алиса ни хотела это проверить, у нее не удавалось сделать и шагу больше метра. Ноги уносили обратно, Алиса боялась потеряться. Свет светил всегда: и утром, и днем, и

вечером, и даже ночью. Значит, фонарь не выключали, в отличие от человеческого сознания, по ночам. Алисе не хотелось возвращаться обратно, но тут раздался писк крысы: – Алиса, вернись!

– Иду, иду -отвечала Алиса, а сама не шла, она стояла и смотрела на свет фонаря, и думала о том, что где-то есть другое место, где-то есть свобода, где есть этот свет

– Ну, я долго буду ждать!– зашипела Мышь. Она не выдержала и даже высунула свою мордочку из коморки, ну тут и она увидела свет и замерла. Так они стояли и смотрели на далекий свет, хоть и тусклый, но напоминающий о далекой свободе, которая находится далеко-далеко, от их заключенных душ.

26.03.18

СТИХИ

Шлем ужаса
Что тебя парализовало?
Красота или тревога?
От чего к уму пристала
Вещь, похожая на Бога?
Это что-то вроде шлема
Ум ли это? – вот дилемма
И к чему оно пристало?
Думаешь, начать сначала?
Мальчик мучает свои часы
Мальчик мучает свои часы
Засыпает в них соль и листву гнилую
Уже видел он отчима усы
И розгу словно глагол цветную
Но ему хочется знать наперед
Чем завершится прогноз погоды
«Мальчик мучает часы» – нет, сочинитель тут врет
Время само поглощает свои хороводы.
Время – дух, часы – оболочка – тело
Голос глух к мелочам, поясовое чело
Мальчик не глуп, он знает совесть отражает погоду
Время – насос, а ты собери между строк моих воду.
Чтобы узнать, как капли крови ложатся на правую щеку

Как все змеиться, и теплиться там в темноте
Как покрывает ковром идеи сердца иголку
Вот механизм выбери правила ТЕ
Что помогут тебе, и твоему «ребенку»
Мучить часы – вечный, лишь свой коридор
Механизм оборви на шестеренке
Из организма вытрави сор
Развивайся, конструируй сюжеты
Из воздуха, из Ничего, делай все
Ну и в песне не простые куплеты
Но их написал еще не Басё...

«10.09.21»

Мой шрам

По ноге Нилом течет ахиллесовым водопадом –
Шрам от скальпеля, змеей ползет к пятке.
Как провод в небе который оброс поздней листвой
Совсем бумажная кожа но станет льдом
Если стану большим я.
Рана от врача, во имя снегов медицины,
Чтобы леталось поэту по гор вершинам
Чтобы змеились завистников черные песни
Буду ходить отныне ровно, скользить по водостокам
Да улыбаться проходим девчонкам
Задуйте меня от пакета пленкой, зарежьте
Буду юлозить на брюхе креветкой,
Задыхаясь от скуки от свиста

Сочинять глупые письма,
Адресованные несуществующим людям;
Или выкину перо и резинку в мусор, или проснется мама
Письмо Алексею

1

Я предлагаю окончить спор, о том, что было в начале:
В начале был кислород, потом израильтяне...
Была трава вначале, затем лишь сосны, ели,
Был топор мессы, затем лишь проповеди – дрели.

2

Был страх быть не услышанным,
И вот я кончил спор...
Ведь в спорах редко когда слушают друг друга.
Ты дал мне точный приговор:
Мир – лестница, но вот беда, ступени в форме круга.

3

Что ж, Алексей –
В спорах ты сильней.
Неудивительно,
Ведь ты в гимназии учился
На пятерки,
Наверное, в моем случае будет щедрей
Тебе прислать пять сальдо звонких
Да только есть в кармане хлеба корки,
Пришлю тебе их я скорей
И ты забудешь что

Сажал тот хлеб, не просветитель,
А раб своих корней.

«27.11.20»

Крест

Дыхание солнца – ткани изумруд

Ласкает нежно твое ухо

Клубочек ниточек – причуд

По горлу завывает сухо.

Любить тебя тяжелый крест

Я ненавижу дней страдание

Когда на слове карта мест

Являлась картою сознания.

Когда не музыка, а флейты вязь

Мне заменяла удивление

Когда логическая связь,

Была лишь символом сомнения.

Я ненавижу эти дни

Мне нестерпимо надоело

Искать в поэтах глубины

Я не нашел.... Пора за дело!

«20.03.22»

Бродскому

Шел дождь, как человек идет в аптеку

Или отец идет в детсад за сыном

И будет так от века к веку

Застынет правда в сердце львином

И в окна мы будем видеть
Что дождь идет, как человечность
Проходит мимо тел не бранных
Словно юродивый в панель
И будет нам казаться больно
Горящий куст в садах соленных
А сердце скажет уму вольно
И будет ждать смертей привольных
Но мы последуем примеру
И выберем другую правду
А маятник качнется влево
Не двигая души кокарду....
«23.03.22»

Смерть подростка
Летний дождь разбудил ее рано
И открыв глаза в пять утра
Не досмотрела сон про переправу:
Лодочник перевозил на другой берег короля
И открыв глаза засмеялась
Смехом горячим своим
Словно с землею рассталась
А не с сознанием злым.
«30.03.22»

Одни
Скрипнуло око агностика
Дверь отворилась настежь

В квартире чужой- все готика
Как в речи незнакомца – падеж
Жизнь была ожиданием
На ощупь плоды знания
Ассоциируются с пробкой
«Если смотреть в бездну
То бездна начнет смотреть в тебя»
Сколько же кругом нас драконов
И непонятных ящериц
Земляных ковбоев,
Бетонных пастбищ
Пробую на ощупь маслины,
Мраморную кость выталкивают из жено- подобного тела
Труп выходит наружу
Словно горячая сперма
Круглые ветви рябины,
Все растения не красивы,
Потому что одиноки.

А откуда- то слышались железные твари-
Стучали где-то, в белесой дали, трамваи
А в трамваях ездили школьники
Все они не красивы- потому что одиноки
«11.04.22-12.04.22»

Будущее

Ты знаешь, друг, кинотеатры вымирают
А вместе с ними мода на солидность

И скоро будем брить щетину
Там, где, когда- то не ходили люди
И словно рис китайский будем слепы
В заботах о корейском ресторане
Прости меня, мой друг
Твой адрес выцвел
Из головы текут транскрипции и флейты
Но не хватает гибкости культуры
Тебя понять. И мне так неприятно
Что я забыл поздравить с воскресеньем
Своего брата инвалида
Как он живет? Ты знаешь понемногу
Вчера вложил в мою ладошку мячик
А я ответил звонкой оплеухой
Теперь мне очень стыдно до кощунства
Смотреть в его кошачьи глаза
Случались ли с тобой подобные ошибки?
Бывал ли злой на слабых
Просто так
Лишь потому что можешь их ударить
Ведь Бог несчастных любит больше нас? Или нет?
Обиделся ли брат? Не знаю
Его язык подобен богомолу
В том смысле что мелет, мелет, мелет
Вчерашний день, слюнявит пальцы нёба
Обкрадывая мои лучшие вещички

Но возвращаюсь к теме разговора

Солидность не нужна- когда ты ангел

«03.02.22»

Статьи

Определение слова абсурд

Абсурд- это диалог, с ударением на диалектику, а не логику, так как в абсурде оба моста есть пути в ум собеседника, разговор с которым приносит скорее боль, чем удовольствие.

Абсурд не возможен без пафоса и временного отсутствия любви. Все что вызывает у вас жалость и сочувствие есть абсурд. Но возможно ли сочувствие к абсурду? Однозначно! Сочувствие к абсурду это чисто человеческое начало в потоке безличного, именно с сочувствия зарождалось чувство юмора, направленное на диалектическое восприятие реальности. Абсурд- это не отсутствие логики, как таковой, абсурд- это выдвигание логики на второй план, за спину многоликой диалектики.

Когда собеседник Вас наконец то понял закончился абсурд. Абсурд это когда говорят двое, но понимает, что говорить только один. Если оба собеседника понимают, о чем речь в разговоре – то это коммуникация. А если никто ничего не понял – то это бред. Абсурд- это не бред, а внутренняя логика, скрытая за толстым слоем диалектических истоков сознания Вселенского Я. Абсурд- это логика диалектики, это начало конца и бессознательное в сознательном, это хвост змеи, который перерос в туловище, голову, и все ее члены. Абсурд – это современный человек, оторвавшийся от кон-

текста реальности, в неопределенном времени в определенный момент. Абсурд- это человечность без чела, это мгновение, унаследовавшая эластичность от воска сосудов и без этой эластичности невозможно как и реалистическое творчество, так и киперпанк. Поэтому цените абсурд как вещественное доказательство наличия Бога в себе, и не гневайте бой курантов, они и без Вашей пошлости многое видали. До встречи в измерении Бэ, дорогие читатели!

«24.02.22»

Рецензия на фильм душевные болезни

«Душевные болезни» – фестивальный фильм, 2012 года.

В этом обзоре у меня нет цели дать однозначные ответы, о смысле этой картины, скорее наоборот поставить основополагающие вопросы.

В фильме показаны, не просто сумасшедшие люди, не просто люди отчаявшиеся и потерявшие смысл жизни, этот фильм раскрывают одну из центральных проблематик Вселенной, если коротко то я ее сформулирую так «Зачаровать пустоту»

Главный герой бывший актер, а ныне писатель, постоянно слышит голос. Голос, который связывает его со Вселенским логосом, и причинявший ему сильную душевную боль. Он почти не спит и все время крутит радио ночью, которое отказывается работать и выдает только помехи. Он обуза.

Никто не знает что пишет писатель, но ясно одно, он не разграничивает свою книгу и жизнь. От того он так боится ее

закончить. Этот страх, есть не страх бессмертия, это просто попытка «Зачаровать» то что и так не нуждается ни в каких специях, Пустоту.

Да, фильм очень пуст. Он психоделичен и пуст, и это пустота утомляет. Герои неясные. Сестра замечает болезнь брата, но не видит в лоб своих отклонений. Мама одевается как мужчина, видно что просто фон, пластмасса, снежный ком абстракции, не более того.

И все заняты бездельем, как в реальной жизни. Все лишено какого- бы то ни было символизма.

«В точке А ты один человек, в точке Б другой» – мантра, шаманизм, позыв к верхнему.

Я не могу сказать что понял эту картину на осознанном уровне, да я , впрочем и не думаю, что она для это снималась.

Просто если Вы начали смотреть данное произведение знайте, то что вряд ли Вы увидите в нем оточенный материал, или кристально чистый посыл, но Вам безусловно захочется после просмотра пройти пару тестов Роршаха, и написать свою лучезарную картину дороги в Ничто по пути к ближайшей аптеке вечного льда.

Рецензия на фильм – сквозь темное стекло

Этот фильм я посмотрел вчера вечером, по рекомендации. Ничего о создателей картины я не слышал, посторонние анализы в сети тоже не смотрел, в общем начал смотреть с чистым восприятием. Единственное мне сказали, что фильм черно-белый, и в нем много интересных глубоких диалогов.

Второе для меня самое ключевое в восприятии авторского фильма, так как я болен тем снобизмом, что для меня архаус, это больше чем визуально неординарная подача, сколь «Слово» перенесенное на лист экрана. И интуиция мне подсказывает что я прав, но не будем забегать вперед.

Фильм повествует о семье, творческой семье. У каждого члена которой своя боль. Отец семейства писатель, потерявший жену, полностью ушел в свое «ремесло», кроме того, его старшая дочь больна шизофренией, и глядя на ее страдания, «реальность уходит из под его ног». Сын тоже творческая личность обделенная любовью отца, и переставшего ценить процесс жизни как таковой. Он пишет пьесы, но они ему омерзительны, потому что не способны заменить жизнь, а жизнь его столь мрачна, и перенасыщена неудовлетворенностью в признании и тревоге за болезнь сестры, что нуждается если не в замене то хотя бы обновлении. Так называемом суррогате.

Еще есть четвертый герой- муж больной женщины. Он ухаживает за ней, терпит ее капризы, старается спасти ее личность от полного разрушения и деградации. Но когда она находит дневник отца, где тот говорит что уже убежден что дочь его не выздоровит и все напрасно, у нее случается новый приступ, после которого она уже не вернется из больницы.

Остров на котором живут все эти «нервные» люди символ уединенности и разрыва с социума любых людей Мысли и

Слова. Безусловно все люди в той или иной степени зажаты, замкнуты в себе, или же напротив растворимы в постороннем, но тут видимо создатели хотели сделать упор на внутреннюю трагедию, на то как болезнь заражает и сжирает все, посторонние кроме Любви.

Бог- паук которых приходит сквозь стену в галлюцинациях «взрослой девочки», есть расплата за ошибки отца. Он всю жизнь писал романы «О любви, смирение, вере, чуде» хотя никогда не верил даже сам в свою искренность. Такое ведь часто бывает, что дети страдают за неискренность родителей.

Ведь не искренность хуже забвения, раскола, смерти.

В целом фильм о том, искусство не может заменить людям жизнь, спасти их от греха, что это дионисийская в основном стихия, в котором каждый в основном хочет видеть не урок и совет, мораль, а оправдание своим порокам. Ведь лишь после последнего приступа дочери, писатель осознал свою главную ошибку. Он запирался от мира, строит замкнутый круг, он боялся боли, не осознавая что все есть Любовь, даже боль и болезнь, и если отказываться хоть от одного самого мерзкого проявления реальности, можно заключить себя на веки в тюрьму (больницу). И поэтому он и говорит в конце сыну, ты должен быть с Богом. Ты должен Любить. Что бы не происходило, и как бы ты не страдал, только нашими молитвами она выйдет из больницы. Это зов, это просьба, в никуда. Потому что сын услышал в этом долгожданное при-

знание. Он получил свой суррогат. «Папа со мной заговорил...»

Так я в целом отношусь к авторскому кино. Никак к визуальной информации, а как к слову наколотому на экран. Слово может стать невидимым, не разборчивым, темным, но даже от того что Слово познает Смерть оно не перестанет нести в себе Любовь к людям. Потому что каждое даже мерзкое явление в нашем бытии учит нас, через страдания ли, или через блаженство.

Через темное стекло- рекомендую, если Вы любите авторское кино.

«30.11.21»

Рецензия – на мультфильм его жена курица

Его жена курица» – просмотрен мной вчера вечером, интересное произведение, это история о быте двух супругов, синего человека и курицы. Есть еще домашняя гусеница, так сильно напомнившая мне персонажа сказки Льюиса Кэрролла, математика- абсурдиста, что я не вольно начал смотреть на эту картину через его призму. Ну, а что в Интернете, очень много разборов по Фрейдю, символизм и прочие, но никто не когда не думал пропустить произведения искусства сквозь решето математических конвульсий.

Мультик поражает своей духовностью, и одновременно с этим холодностью стилистики.

При этом в нем много метафор, взятых из психоанализа. Больше всего понравился синий заводной автобус, который

заводит пластинку. Ведь действительно, наша жизнь это пружина, ключик, в начале, когда у нее есть цель, чтобы заиграла пластинка, он движется по кругу, в угоду окружающим, но в конце фильма, последняя сцена он едет в даль по комнате, и в конце концов упирается в стену, символизирующее одиночество человека в любом союзе.

Вообще, люди, а я убежден, что в фильме, показаны, люди, хоть это курица, покойник и гусеница, тут показаны очень мнительными (всего лишь шепот человека в черном разрушил их привычную остановку, их жизненный цикл) но при этом нуждающиеся в поддержке и опоре. Что-то выше бытовой действительности, не случайно выгнав жену, сине-му мужчине снится сон, что он тонет в каше, жижее, а потом проснувшись, разбивает будильник. Вязкое вещество – это быт, а разбив будильник, он выбирает не выходить наружу, а искать поддержку в себе.

Но человек, по этому мультику не всегда мертв. Уют, вот нужное слово, которое разграничивает жизнь и смерть. Привычка, то что никуда не денется

Гусеница – это привычка, домашнее животное которое никуда не уйдет. Мертвец не случайно ее связывает ремнем к стулу. Мертвец- обыватель, обычный человек как мы с вами, он мертв и поэтому жив. Но в уютной обстановке, слушая классику, он ведет нечто большее, хотя в бытовой реальности он никто и звать его никак.

Курица – это порядок, равновесие, между привычкой и

уютом. Как сделать в жизни так чтобы не приесться, не утомить, и при этом позаботиться о том, чтобы привычка не стала зависимостью. Да, курица не видит ничего выше быта, но именно она самая живая в этом микро-мире, не имея утонченности вкуса к эстетике, она живет жизнь, а не размышляет о ней. Она знает точно, что ей надо делать и когда. Когда сварить, помыть, почистить, приготовить, и прочие. Она есть порядочность, которая так бывает хрупка, под натиском объективной действительности. «Ведь мир жесток и груб» — как писала Ахматова. «И Бог не спас».

Так к тебе такой гость с подарком божьих коровок. Очевидно, что это и есть Мир. Мир с большой буквы, Мир не как фантом, а как свет. Именно он шепчет мужу, на недостаток его женщины. «Да она же курица, брат!» «А кругом есть еще — кругом их много и лучше»

Нет, не много и не лучше. Мир внушил нам свое представление о любви, о том что красота при выше ума, что побеждает сильнейшей. Но это ложь. В этом мире никто не побеждает, ни талантливый, ни хитрый, ни злой, ни слабый, ни юродивый... ни мертвый. В Мире не побеждают, в Мир либо приходят, либо уходят из Него. Никакой борьбы нет. А если и есть, то она уже проиграна, потому что бы иначе человек не был бы все время так одинок в себе.

И когда обычный человек это осознает, оставшись без равновесия, которого его решил Мир, только тогда он звонит, просит его вернуться в свое сердце. Равновесие воз-

вращается, но больше нет мертвеца, на его месте стоит страх, потому что покаяние зеркальное отражение гордыни, и именно в беге этих состояний по кругу и была цель жизни таких разных, и таких одинаковых людей в этом микро-мире, под названием быт, а отнюдь не в борьбе.

«15.07.21»

Концепции творчества

Подобно науке, и особенно медицине, моя поэзия не при-емлет пола. Если с наукой это связано лишь косвенно, открытая Колумбом Америка, уничтоженные целые цивилизации, по щелчку пальца Высшего человека, то медицина это целый этап моего становления как поэта.

Я никогда не был врачом, лишь пациентом, но и никогда не был жертвой. « Рана от врача, во имя снегов медицины, что бы леталось поэту по гор вершинам», из стихотворения Мой шрам.» Пусть это увечье, но вместо боли я испытываю лишь эйфорию начинающего Созидателя.

« ... Только в случае суки, смерть была во имя медицины, а не женского злого веселья, из стиха «Женщины», оспорит меня невнимательный, пошлый читатель, не понявший концепцию целиком.

Глупый читатель! Что это строка означает по твоему?! Бессмысленную жестокость и только, без какой либо задачи?! Нет, нет и еще раз нет! Жертвенность тут как волк в овечьей шкуре. Кто по твоему твой главный герой? Женщина, мужчина? Нет же. Медицина, нормальность. То что стоит

выше боли, то что стоит выше Желания.

Обман, подлость, садизм, это ненавистные мне вещи, несмотря на то что в моих произведениях их много. Но их количество и как к этому относиться внутренний зритель, не определяет мое к ним отношение.

Дорогой читатель, прости что я назвал тебя глупым, ведь ты бываешь и другим, я знаю!

Но для этого тебе надо самому написать пару строк, не думать, не корректировать меня, а просто сесть и написать и в конечном счете перестать быть только читателем. Подобно лир. Герою «Водяных знаков.» Принять в себе творческое начало, затем разочароваться и отречься от них, затем снова возобновить. Это и есть движение духа как таковое, только оно и есть выше и точнее любой медицины, потому что мы живы пока наше сердце может расти.

Если ты решишь выйти за рамки читателя, у тебя могут и возникнут сложности. Их будут создавать твои враги, но и иногда они же будут и твоими друзьями – числа.

Любой человек решивший познать природу бега своей мысли сталкивается с ними, как невеста с Загсом. Особенно опасно для тебя будет число 7. Как говорить от семи извилин в голове, до семи смертных грехов в душе. Или все таки все наоборот?

Семь – это зеркальное отражение любой воли, как с положительным зарядом так и с отрицательным. Она сдерживает мысль своими магнитными полями, замедляя тот самый бег

души, которым мы закончили в прошлый раз.

Семь раз писать одно и тоже это как пить ржавую воду из под крана. Так и для полета мысли требуется цикличность, повторении, но отнюдь не зацикленность. В чем отличается цикл от зацикленности? Доведением действия повторения – до абсурда.

Абсурд это лишь внешняя сторона любого моего текста, и если вы вчитаетесь, и прислушаетесь к дыханию символов в них, то вы поймете что при анализе, все показное и нелепое что так веселит рядового читателя испаряется при первом же признаке внимания.

А если абсурд исчезает при анализе, то что появляется за место как альтернатива? Ритм вещи. А в нем и сама вещь, точнее ее содержание.

И вот мы подбираемся к тому зачем мы тут, сегодня собрались. Антиритмичность. Только слепой читатель мне не указывал на эту «ошибку».

Читатель, милый читатель, в чем моя вина, что символ, который я рисую на виду у всех, у всех на виду? Что каждый тычет в одну точку и словом так устроена человеческая подлая природа? Неужели ты думаешь, милый читатель что знание дарует мудрость? Что число превратиться в валюту накормит и оденет тебя?

Уверяю тебя, милый читатель, моя антиритмичность не моя вина. Просто это отказ от зацикленности, ибо не только классический ритм, но и ритм вообще состоит из комплекса

заикленности, поглощая самого себя как труп покойника поглощает землю.

Ритм должен вернуть в свою колыбель, в природу. Ибо там он более музыкален, чем в словах юных поэтов и поэтесс.

Чем больше читаешь книг, тем тяжелее и страшнее писать самому. Ведь за каждой книгой голоса: голоса борющиеся с друг другом и идущие на компромиссы, голоса героев попеременно с авторскими, а бывает и такое что голос автора сливается с голосом героя, создавая новую формулу жизни, по которой будут жить «иные люди». А старые этому противиться, и кидают в адрес автора камни и следующие фразы: «Победит все равно простота», или еще смешнее, «Вычурность и тупость ваше понимание, и закомплексовка»

Так стоит ли создавать новое, если большинство тянется к простоте, и не хотят хоть сколько-нибудь поднять свою голову выше хлева, в котором варятся из поколения к поколению?

Я уверен, что стоит. Хотя бы довольствуясь минимумом: смехом маленького не загрязненного сытостью ребенка, спасением котенка невинности из под колес безжалостного, к живому, автомобилю прогресса, и опять же, завязанности языка к действию.

Язык доведет до Киева, говорят они. Нет, не думаю. Язык не отображает действительность, или внутренний мир, говорящего, он так же не передает информацию, не устанавливает причинно-следственные связи, все что вам говорили, и

говорят, ложь. Если вы хотите действовать, если вы хотите полюбить этот мир, таким какой он есть, без всякий симулякров и добавок вроде патетической речи, как сахар к чаю, вы должны осознать что язык не то что делает человека человеком, человеком делает сама человеческая сущность.

Это не возможно как-то классифицировать, указать, объяснить. Это в пульсации крови, в генах, в совершенных грехах, самом водовороте жизненных перемен.

Всякая смеющаяся молоденькая женщина прекрасна, даже если ее смех не с вами, а над вами, даже в издевательствах и жестокости они прекрасны, как прекрасен непонимающий и жестокий читатель, плюнувший Вам при всей аудитории в глаза, как малыш задушивший своими маленькими ручками утенка, не по злости, а из любопытства, «Что же будет с ним дальше?»

Красота в том, что за действием, приходит осознание своего голоса, своих активных и пассивных импульсов, выброс адреналина приводит к ускоренной работе сердца. «Я это совершил? Неужели я? Неужели это все входит в мою Человечность, в мою Норму? А если так поступят со мной? Так же придушат, из любопытства, из озорства. Это тоже будет нормально?»

И так по кругу. И над всем этим довлеют числа. Особенно число семь. Семь раз отмеряйте перед шитьем своего кровавого индивидуального платья совести.

Трактат о количественном и индивидуальном

Улица соткана из прав. Права сотканы из оттенков. Мир по прежнему стоит на четырех китах язычества только вы решили относиться к нему через призму «неверия».

Неверие – это количественное. «Девушки курят» «Две женщины били мужчину ногами за то что он посмотрел им в глаза» – количественное под час хочет уничтожить индивидуальное с лица «мира» и порой ему это удается хоть и под маской Свободы, как в рассказе «Поколение подземка», «Леша стал звездой вырвавшись из подземки навсегда». Ну тут больше иметься ввиду не подземка, а само поколение.

Порою очень стыдно быть человеком. Но при этом иногда хочется овладеть умением нравиться людям.

Количественно всегда стремиться к распаду, к самоуничтожению (Девушки курят), или уничтожение индивидуального (Две женщины).

Самые жестокие преступления совершались под маской величия. Убивая человека в себе, мы убиваем и моллюска, который был прыщом на лбу этого ЧЕ.

Не нужно быть одаренным, что бы владеть даром. Но чтобы дар владел тобою, однозначно нужно быть одаренным.

А зачем нужно чтобы дар владел тобой? Да, за многим. Ну во первых, ты станешь более дисциплинированным, во вторых ты забудешь слово и все от него производные «главный», и будешь доверять своей интуиции, в третьих ты станешь чуточку более самокритичным, и соответственно материал который ты будешь выдавать будет иного уровня.

Заметь я не сказал, более качественным. Я сказал именно то, что сказал. К сожалению, время на нас не работает. Время тоже количественное. А вот предмет часы – индивидуальное. Предмет как раз таки на нас работает, служа отличной приманкой к осознанию собственной незначительности.

Чем больше поэт говорит о своих стихах как о материале, или словах, тем он дальше от них. Говорить о своих стихах нужно как о живых растущих организмах, которые по мимо того что растут еще и плодятся и умирают как самые настоящие люди. Стихи это уже не люди, но еще и не Боги, они могут жить в нас, а могут и нигде не жить. Стихи не вправе убить нас, но вправе забрать у нас жизнь. Стихи это вибрация Севера, породившая Великую ночь.

Когда я говорю о своих стихах, я искрюсь. Искра вот определяющее слово для любой правильной деятельности, если не будет искры, не будет движения, будет лишь материал, который мертвым грузом будет лежать на душе автора.

Помнишь, как в самом первом посте я предложил тебе зайти за рамки читателя? Что же ты неплохо справился, поборов бег мысли заклинанием «семь». А что если я предложу тебе выйти за рамки автора?

И увидеть небо, увидеть горы. Лес, да пологий ручей.
Да тополя, в форме церковных свечей
Личностью данной завет отстраненный
В поисках бессознательности ключей
У верховых просторов машины

Выйти из ряда вон

Сесть за штурвал и с громким кличем,

Велеть шоферу: «На Вавилон!»

Выйдя за рамки автора, ты осознаешь, что твое сознание всегда было и есть водопад, а во все не грот. И тогда ты перестанешь «писать свою жизнь» (цитата «Водяные знаки»), а сам станешь жизнью. Неподвластной неограниченной но очень верной своему внутреннему кодексу.

Порой мне кажется, что чем дальше я от мира, тем я больше его понимаю. Вблизи глаз очень быстро замусливается, зрение притупляется, ты перестаешь различать оттенки и становишься «простым».

Многие говорят о том, что в настоящем времени люди стремятся к простому, в том числе и в литературе. Пожалуй, я соглашусь с этим. Я скажу даже больше. Так было всегда. И в этом нет ничего нового. Но и хорошего тоже нет ничего совсем.

Быть понятым с первого раза, что может быть ужасней для литератора. Ведь тогда бы люди не перечитывали стихи, романы. Не отматывали страницы назад. Если бы все становилось сразу ясно.

И писатель не должен приравнивать себя к читателю. Это очень опошляет. Написать книгу не тоже самое, что съесть персик. Читатель после любого прочитанного стиха должен понять что он сам никогда так не сможет. Это и есть искусство.

А не мы.

Эпилог

н был хорошим человеком. Во всяком случае: хорошим директором, хорошим мужем, хорошим отцом, может быть он не дотягивал до гениального писателя, до интересного рассказчика, но злости на мир в нем не было ни грамм, а это, знаете ли, большая редкость для творцов.

Сейчас уже он наполовину сед, наполовину степенен, его ураган мыслей давно улегся в ритм бытовой реальности, он уже не мечтает о лаврах властителя сердец.

На писательство его вдохновляло многое: вкусное кофе, радуга после ливня, подземные черви. Он писал каждый день.

Еще в двадцать один год когда он только-только взял в руке перо он четко разграничил : Писатели делятся на два вида: кто своим стилем убивают так называемую объективную реальность, создавая миражи, оптические иллюзии, вода читателя в шаманский транс, в гипноз, и те кто бьют в лоб, указывая на мерзкие проявления объективности, впрочем, не забывая и указать о прекрасных свойствах окружающего мира. И он решил сочетать себе все несочитаемое, быть не уловимым логическими путями.

Один из первых его литературных опытов был маленький рассказик «Лифт из дома 21», отрывок которого мой приятель и разрешил поместить по старой дружбе в эту колон-

ку. Автор было на момент написания девятнадцать, он был прыщав, бросил колледж, устремив свой взор на мир художественной действительности, разорвав все свои тонкие нити с шумом поколения нулевых (своего поколения), и обратился к слову напрямую. Пусть же этот текст будет хорошим слабительным для всех рационалистов и моралистов.

П.Я

Фрагмент из раннего литературного опыта моего друга

...Кто-то вызвал меня: заработали рычаги, и сила давления, направила меня вверх. Я летел как горький горевестник, сливаясь с шумом в ушах, в загаженных легких машинным маслом.

Это была девочка из сто восьмой квартиры, хрупкая как несозревший еще бутон розы, она собиралась в школу, за ее плечами был большой темно синий портфель. Но я знал ее тайну: каждый вечер в тайне от всех она курит опиум на вписке друга, когда я говорю в тайне от всех, я имею ввиду в тайне от себя в том числе.

Она высокопарным шагом входит в мою кабину и нажимает вниз. «ШАААААААААААААААААААА» – мягкое приземление, спасибо принцесса, парашют раскрылся во время, хорошо отзаниматься. (Интересная девица – ничего не скажешь, только что она прячет под юбкой??)

Тут же на кнопку жмакают толстые пальцы студента Родиона, чуть ли не Раскольников, но нет. Далек, нет. Если этот Родион и способен на преступление, то это будет лишь

не уступка старухе место в троллейбусе. Его лицо напоминает арбуз, настолько оно пронизано юношеской энергией и харизмой, на губах пушок, «пенка», как говорят на местном диалекте, в глазах огонь. Он проходит громко шаркая ногами в мою кабину. Чирк – 12 – ый.

ШААААААААААААААААААААА – ТЫДЫЩ, мы на месте. Приехали. Он понимающее кивает в мою сторону и уходит.

И снова: меня зовут! На сей раз Ксения Петровна, из пятнадцатой. «Подруга дней моих суровых», сурьезная женщина. Для своего восемьдесят одного года выглядит молодо, на семьдесят.

«Ну вот, Иван Иванович» – с присвистом выговаривает старуха «опять какой-то недобрый человек вывел нервной рукой в твоей кабине- душе недоброе, нервное слово. Как ты вообще такое позволяешь? А? Ах да, я забыла ты и сказать и ответить ничего не можешь, кто в тебя войдет того ты и примешь, что тебе дадут то ты и съешь, бедный, ты бедный...»

Ну не такой уж я и бедный, дорогая Ксения Петровна! У меня есть мозг, я могу иметь стимул жить. Да в меня срут и ссут маргиналы, да подростки уродуют стены моей кабины, да лепят жевачки, да засоряют полы банками от пива, да выламывают кнопки – но это мой народ, как бы «они» не желали моей смерти я должен служить и защищать их до конца. Ибо это моя программа – перевозить людей.

.....

На мгновение, я начинаю видеть жизнь глазами стрекозы,

залетевшей на секунду в мою кабину. Насекомое стремится к свету. Садиться на наполовину сломанную лампочку, которая светит в центре моей «нервной системы»

Стрекоза видит мир таким какой он и есть. Красным, пурпурным, словно в огне. Мир действительно в огне, я тоже это вижу. Стрекозе тепло. Мне тоже тепло. Скоро должен прийти механик, моя вторая надежда, и я тоже полечу! Он откроет мои внутренности, избавит меня от trebuхи, которой наполняли с самого рождения добрые, и ни очень добрые люди, высвободит от сора и научит дышать, так как дышат киты.

Стрекоза потирает лапки, уверенно посматривая на плакаты реклам висящих на моих стенах. Роллы и пицца, фитнес, домашний кинотеатр, парикмахерская, педикюр – маникюр, все это пестрит, горит в моей железной оболочке, калеча поверхность, но не затрагиваю корку мозга.

Мой мозг – магнит. Он тянется к свету, притягивая как железо, собой к себе тьму. Мой мозг плещет электрическими импульсами, мой мозг макет, карта, но душа здание, реальность.

Пока я лифт – я на поверхности, но вот я слышу гулкие шаги по коридору, кашель, сальный смех, идут, идут.

Это двое в кожаных куртках. Они заходят в меня и нажимают цокольный этаж.

На этом представленный моим другом фрагмент обрывается.

«6.12.19 9:44»

... Я сделаю это в память о тебе. Коралловые бусы цвета моря на руке. Я буду смотреть на них перед сном и думать о тебе... Даже когда ты будешь далеко, а я останусь тут – это ничего не изменит. Татуировка на руке нанизанных на нитку коралловых бус, как нанизаны события, на линию человеческой жизни, будет напоминать мне о нашем с тобой проживом вместе времени.

Коралловые бусы на руке... Коралла.

Она смотрела в окно на дождь. Телефоны в доме молчали. Лишь доносился фоновый треск одинокого сиротливого углового камина. А Ольга так ждала телефон...

Это был ее дом. Она жила тут – год, может два. Жила одна. И уже срослась совсем с этими большими стенами. Срослась с каменными воротами. Срослась с внешним садом. Кажется, ее путь закончился с приобретением этого огромного участка. Из него она никуда не торопилась. Не выходила. Словно, закрыла навек глаза. Словно закрылась от всех.

Одна у нее была только подруга. Коралла. Двухметровая, черноглазая брюнетка. Раньше, когда давно, словно в другой жизни – они учились вместе в одной школе, в одном классе. Но тогда они даже не говорили с друг другом. Все меняется. Теперь они не разлей вода.

Коралла всегда появлялась в чей-нибудь жизни внезапно, как снег на голову. И начинала она с email писем. В письме она изъяснялась, кто она и почему пишет. К примеру, в первом письме Оле она указала скудным языком свои координаты.

ты, вывела свой номер телефона – и самое главное – сказала что им надо встретиться, потому что она – Коралла – девочка двоечница сидевшая на последней парте – может что-то дать ей, Оле, матерой отличнице, пионерке и комсомолке...

Ольга ухмыльнулась про себя ее витиевату слогу. Слог Кораллы – и потом в процессе переписки это все будет больше и больше раскрываться – блуждал, как блуждает дикая рысь по тайге в поисках добычи, слог Кораллы был полностью сосредоточен на себе, ее слогу не надо было быть красивым, потому что он был самодостаточен. И при этом она совершенно безграмотно писала. Расставлять запятые вовсе не умела, а окончания неизменно проглатывала. Но при этом читать было не трудно – наоборот, читать ее email- письма было «цветно» и «весело». Слова собирались в предложения, предложения в абзацы, абзацы расплывались, звенели в голове приятным пчелиным гулом, доводя читательницу до сладкой дрожи.

Итак, они созвонились, встретились. Встретились в основном парке под брезентом. О многом поговорили. В первую очередь о месте жительства Кораллы. Коралла рассказала, что живет одна в съемной квартире. Рассказала о том, как со скандалом уехала от отца, как отец ее проклял и отрекся от нее, как выкинул ее картины на улицу, как вышвырнул все ее вещи на мороз. Рассказала как она, битых три часа ловила попутку, как не было билетов никуда кроме как на восток. И потом все таки она оказалась тут. Это было настоящее чудо!

Она прошла семь морей и океанов, съела пуд морской пенистой убийственно ядовитой соли, и... ВЫЖИЛА не смотря ни на что.

А Оля слушала ее и удивлялась, как такая хрупкая на вид девушка прошла так много дорог. Оля смотрела осоловелыми глазами на эти хрупкие на вид плечи, на эти детские наивные глаза, казалось ничего не вынесшие из полученного объемного жизненного опыта, на этот стан молчаливый и при этом говорящий свою неповторимую личную историю.

Ольга ни спрашивала, ни говорила ничего, лишь слушала, вникала, проникала на дно этой женщины-колодца.

А Коралла все говорила, говорила, говорила, говорила. Ей нравилось говорить. Когда она говорила, то чувствовала себя в своей тарелке. Наверное, именно из-за своей разговорчивости, в школе она плохо успевала.

– И вот теперь я тут – перед тобой – подвила заключительный итог Коралла.

И после они долго молчали, глядя на друг друга во все глаза. Они изучали друг друга. Сканировали. Искали. Но безуспешно. Не находили.

– Скажи хоть что-нибудь – оборвала тишину, длинной в вечность Коралла.

– Мне нечего тебе сказать, прости – лишь промямлила бедная Оля.

– Не переживай. Я не буду тебя губить. Я стану твоим ангелом хранителем. Со временем, разумеется.

После этого разговор оборвался. Надолго...

В полупотемках, в задворках, откуда уходят все люди и нога не ступает на землю, цветет сад. Сад этот не рукотворный, но материальный. Он есть и его одновременно нет. Он присутствует, понимаешь? Он присутствует. Но не растворяется в повседневной суете. Сад- живой. Он цвете на запретной земле, там где есть любовь. Потому что любовь давно вне закона. И что можно сказать о том, мире где любовь вне закона? Его не опишешь словами это уж точно. Потому что в каждом слове даже самом паршивом, фальшивом слове есть частичка любви. Все это заложено с божьего слова. Та же поэзия. И поэзия в этом мире вне закона...

Цветы в этом саду цветут сами по себе. Но они пропитаны болью. Не законной болью, разумеется. И что тут еще сказать, я даже не знаю. Давайте лучше помолчим...

Ольга долго ждала телефона. Весь вечер просидела около аппарата. Но он так и не позвонил. Он исчезает иногда, если устает. Устает от нее. Они оба порой устают. Но Оля не позволяет себе никуда исчезать, она знает твердо что должна быть.

Оля никогда не устает от себя. Ей нравится быть собой. А от него устает.

Он любил ее когда-то. Он говорил ей об этом.

Когда еще было чем говорить.

Когда усталость накатывает на Олю, она молчит и даже не смотрит на него.

А когда усталость накрывает его с головой, он просто курит. Курит натошак.

В доме Оли есть все. Но она все равно несчастна.

Это тяжелый крест.

Несчастье как отдельная идея.

Сейчас Коралла ждет Олю около гипермаркета. У них встреча. В руках Кораллы тяжелая сумка с продуктами. Продукты подруги разделят на двоих. Или на троих... если он все таки появиться в конце вечера.

У него тяжелая работа. Он грузчик. Грузчик на складе. Каждый день он таскает тяжелые железные ящики, и пот липким градом льется с его ясного лба. Он тащит все на себе. Всю семью. Потому что так привык. Привычка вторая натура, как говорил классик.

Вот как они встретились. Он сказал, пойдем, а она согласилась. В тот же день он сказал, что любит ее. Тогда еще было чем говорить...

И вот он снова курит. Курит и молчит. Он устал. Сидит и курит. Сидит и курит. Курит...

В каждом человеке есть сады и пустоши. В некоторых садах растут яблоки да груши. Я видел в некоторых садах вишни. Они цветут на солнце и наливаются собственным соком. Но это обетованные сады. А сад про которых я хочу рассказать необитован. Он зарос. Зарос сорниками да полынью. В человеческих садах нет полыни... а в этом есть. Он необитован. Он сад.

– Помнишь ту учительницу в нашей школе, что называла нас, учеников, не по именам, а по номерному списку в журнале? Ты была пятой, а я седьмой. Помнишь? Чувствуешь себя не человеком, а элементом в таблице Менделеева. Иногда, мне кажется, что все у нас по прежнему точно так, как было тогда ... – это сказала за столом Коралла – прости меня, что у меня не получается быть твоим ангелом хранителем. Прости, что он не пришел. Прости, что ужин холодный...

– Не говори так – лишь отвечает машинально Оля. – Ты со мной рядом и я это ценю. Ты могла бы уйти в любой момент, но ни уходишь. Ты ведешь меня. Скажи, к чему? Только скажи к чему?

Коралла хмыкнула и надолго замолчала.

– Сколько времени мы живем с тобой вместе? – разбила тишину Оля. – И сколько ты жила с другими? Я хочу знать!

Коралла по прежнему молчала.

Ольга перестала есть суп. Она примолкла. А потом четко и резко проговорила:

– Что тебе надо от меня?! Что тебе надо?! – она кричала дохрипаты. А Коралла молчала опустив глаза в тарелку, как провинившийся котенок. Потом Оля заплакала, и слезы падали в суп делая его соленным. Коралла начала ее успокаивать, но не выдержала взяла и сама заревела. Тут в комнату внезапно зашел он. «Что это тут происходит?!» он сказал... «Что это тут происходит?!» сказал он...

Дальше схватившись за руки они сошли по тросу на

необитованую землю. Они вошли друг в друга, поняли и не стали выходить. Тут было тепло... Коралла, ты чувствуешь эту осень? Осень идет за нами, но не догонит. Потому что мы любим друг друга. Да? Именно любовь то, что нас сплачивает, делает нас единым целым. Мы как комок. Комок шерсти и грязи. Но наша грязь ... она лечебная, она теплая. Она грязь, но не в плохом смысле этого слова. Грязь как нечто надежное, твердое, верное. Именно та грязь, из которой древние римляне обжигали горшки, созидательная грязь. Вечная грязь. Хорошая грязь...

Я смотрю на тебя и думаю о том, сколько еще мы можем прожить вместе и по переживать миров и дней.

Мы ступили на землю. Нас окутал свет. Как все таки тут тепло... Я люблю тебя, люблю тебя, люблю тебя, люблю тебя, люблю тебя, люблю тебя. Я готов говорить это снова и снова. А ты молчишь. Но мне не обидно от того что ты не реагируешь на мою ласку. Я знаю, что молчание твое невольное, я знаю что тебя съедает. Но не скажу тебе ничего. Ничего кроме любви.

Он зашел на кухню. Сел на стул и сказал: «Что тут происходит?»

Они немного поговорили. Потом поели. Потом он закурил. Он был после работы. Он устал.

– Покажи фокус, Коралла! – внезапно, ни с того ни с сего оживилась Оля.

– Да, Коралла, покажи! А то, что мы это, просто так сидим,

а? ...

Коралла вздохнула. Ей меньше всего хотелось демонстрировать свои способности перед ними сейчас. Но эти люди жаждали чуда. И она не могла им отказать.

Коралла встала. Отодвинула стул. Начала раскачиваться. Затем побежала. Побежала прямо в стенку кухни. Ударилась об уголок... И вдруг исчезла.

Только кухонные часы упали со стены и разбились насмерть.

Ольга и он обменялись испуганными взглядами.

Где она? Где Коралла?